

А.А. Насонов

Основные тенденции в изучении ламаизма в российской буддологии (80-е гг. XX – начало XXI в.)

Ключевые слова: буддология, ламаизм, бурханизм.

На сегодняшний день, когда многие отрасли исторического знания насчитывают не одно десятилетие существования, дальнейшее развитие проблематики в их рамках невозможно без детального и всестороннего историографического анализа. Одной из таких областей исторической науки является отечественная буддология, зародившаяся еще во второй половине XIX в. и продолжающая свое развитие сегодня. Несмотря на наличие отдельных работ историографического плана, охватывающих тот или иной период изучения буддизма в России, ход исследований по истории ламаизма последнего времени, с точки зрения основных его тенденций, в исторической литературе почти не затрагивался.

Исходя из этого объект нашего исследования – развитие изучения и основные тенденции в исследовании северного буддизма 80-х гг. XX – начала XXI в. Предмет – отдельные специфические черты нового этапа развития отечественной буддологии.

Цель исследования – дать оценку и раскрыть содержание основных тенденций в изучении северного буддизма в отечественной исторической науке 80-х гг. XX – начала XXI в. Для ее достижения были сформулированы следующие задачи: 1) охарактеризовать изменения в тематике; 2) рассмотреть процесс отказа от термина «ламаизм»; 3) определить специфику новых направлений; 4) дать оценку развития смежной дисциплины – анализу бурханизма.

Источниковой основой для написания данной статьи послужили работы исследователей, осмысляющие в той или иной степени историю и сущность ламаизма и бурханизма (монографии, статьи, очерки, авторефераты диссертаций, материалы конференций, а также учебные пособия) и отражающие частично либо полностью позицию авторов.

В результате исследования были сделаны следующие выводы. На рубеже 80–90-х гг. XX в. происходит постепенный отказ от преимущества социально-экономической тематики в рассмотрении истории ламаизма и обращение к детальному анализу духовных аспектов. Безусловно, тематика, доминировавшая в советский период, не была полностью оставлена без внимания. Однако отказ значительного числа историков от прежней марксистской парадигмы и выход религиоведения из-под опеки научного

атеизма, которые направляли исследования именно в социально-экономическое русло, повлекло за собой рост интереса к вопросам, считавшимся ранее второстепенными. Среди них: влияние религии на развитие этноэкологических установок у азиатских народов, различные аспекты взаимодействия важнейших мировых конфессий, изучение буддийской образовательной традиции и т.д.

Также наметилось более частое обращение к опыту дореволюционных востоковедов, работы которых, ставшие в СССР библиографической редкостью, сейчас переиздаются. Вышли труды Г.Ц. Цыбикова [1], Б.Я. Владимирцова [2, с. 229–249] и других авторов. Это определило то, что до этого в целом негативные оценки истории ламаизма сменились на позитивные. Северный буддизм перестали считать «исчезающей» религией, появились прогнозы о его дальнейшей трансформации и роли в жизни народов различных регионов Азии.

Период обновления исторического знания повлек за собой, на наш взгляд, недостаточно продуманное решение – отказ от термина «ламаизм», наметившийся в 90-е гг. XX в. и продолжившийся в начале XXI в. Данный термин, несмотря на то, что широко использовался как отечественной буддологией на протяжении всей ее истории, так и зарубежными исследователями до середины XX в., фактически был признан некорректным. Попробуем разобраться, по каким причинам это произошло.

Словарь 1992 г., написанный ведущими отечественными буддологами Н.Л. Жуковской, В.П. Андросовым, В.И. Корневым, не только не отвергал этот термин, но и активно его использовал [3, с. 157–168]. Однако в примечании к своей статье 1994 г. Н. Л. Жуковская сообщает о причинах критического отношения к нему. Это, во-первых, призыв далай-ламы XIV к мировому сообществу не использовать данный термин, поскольку китайские власти, захватившие Тибет в 50-е гг. XX в., обосновывают свои насильственные действия в том числе и тем, что ламаизм – это не настоящая, а деградированная форма буддизма, а также стремлением буддийского мира подчеркнуть свое единство [4, с. 6]. В 2000 г. буддолог В.П. Андросов определил термин «ламаизм» как устаревший, доказывая свою точку зрения опять же просьбой далай-ламы, а также считая данный термин неудачным: «его нельзя назвать удачным, это примерно то же, если вместо христианства говорить «монахизм» [5, с. 138–139].

В целом эти аргументы не дают достаточного научного основания для отказа от прежней терминологии, использовавшейся десятилетиями, поскольку они опираются либо на политические соображения (а просьба далай-ламы – это, безусловно, политический шаг), либо являются небесспорными (к примеру, одно из направлений протестантизма до сих пор носит нарицательное название «квакерство»^{*} и продолжает использоваться научным сообществом). На сегодняшний день в исследовательской литературе значительно чаще употребляются названия: «северный буддизм», «тибето-монгольский буддизм», чем термин «ламаизм». Однако последний более четко отражает содержание той формы буддизма, которая сложилась в VII–XIV вв. в Тибете и позже в конце XVI–XVIII вв. распространилась в Монголии и Южной Сибири, поскольку он несет четкую смысловую нагрузку. Тогда как в понятие «северный буддизм» может быть включены и японская, и китайская, и корейская его версии.

Среди новых направлений, характерных для сегодняшней буддологии, можно выделить изучение процесса обращения коренных народов Сибири к своим духовно-культурным корням и рассмотрение тех специфических проблем, которые этому сопутствуют. В целом данный процесс следует характеризовать как достаточно сложный и противоречивый, включающий в себя множество различных факторов: и культурных, и общественно-политических, и даже социально-экономических. С изменением отношения к религии в СССР, а затем и России запускается процесс активного поиска опоры для национального возрождения во многом именно на конфессиональной основе. Это стремление приобретает зачастую причудливые формы: к примеру, наложение и смешение православных, буддийских, шаманистских традиций и сектантско-мистических течений. Изучение этих явлений начинается в 90-е гг. XX в. В качестве первого опыта осмысления этой темы можно отметить статьи Н.Л. Жуковской [6, с. 2–6] и М.В. Монгуш [7, с. 327–333].

Другим важным и активно развивающимся направлением является этническая экология, исследующая влияние духовного мира отдельных народов и народностей на отношения к окружающей среде и, следовательно, сохранение баланса между человеческой жизнедеятельностью и природой. Примером такого исследования является статья Ю.И. Дробышева [8, с. 42–51].

Также актуальным на сегодняшний день можно считать анализ образовательной традиции буддизма Центральной и Северо-Восточной Азии. Начало ее изучения приходится еще на конец XIX – начало XX в. Весьма подробное описание внутренней жизни тибетских монастырей и сути буддийского духовно-

го образования дал востоковед и путешественник Б.Б. Барадийн [9]. Однако в советский период изучения ламаизма данное направления фактически было забыто. Следовательно, важный аспект духовной истории Тибета, Монголии и Южной Сибири – преемственность буддийской образовательной традиции – остался за рамками исследований. Более пристальное внимание к духовным вопросам истории религий начиная с 80-х гг. XX в. способствовало появлению новых изысканий в этом направлении. Были опубликованы работы А.А. Базарова [10–11], отличающиеся особым интересом к философско-историческим корням буддийского образования.

Характеризуя процесс развития исследований в рамках истории ламаизма нельзя не упомянуть о развитии смежной дисциплины – анализа сущности и истории бурханизма. Демократизация в СССР второй половины 80-х гг. XX в. дала старт новому этапу в дискуссии об этом синкретическом вероучении. Сегодня понимание сути бурханистского движения, которое активно развивалось на Алтае в начале XX в., значительно различается. Отчасти это связано с трактовкой значения ламаизма для истории Южной Сибири.

Если в конце 30-х – 40-е гг. XX в. в советской исторической науке официально закрепились характеристика феномена бурханизма как реакционного националистического движения с ярко выраженной сепаратистской (прояпонской) направленностью [12, с. 403–426], то в 80-е гг. XX в. прозвучали отличные точки зрения. Так, А. М. Сагалаев в своей монографии «Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния» 1984 г. представил бурханизм как логический результат развития религиозной ситуации в Центральной Азии начиная с середины I тысячелетия н.э. и до начала XX в. как сочетание различных элементов – ламаистского, шаманского и различного рода традиционных верований, а также, отчасти, результат влияния распространенных и популярных в разное время в этом регионе Азии зороастризма, манихейства и несторианства [13, с. 4–5, 86–99].

Своеобразной и, безусловно, интересной видится точка зрения Л.И. Шерстовой, которая определила бурханизм как основу для формирования у алтай-кижи этноконфессиональной общности, на базе которой шло сплочение, через противопоставление другим народностям коренного населения Алтая [14]. Данная позиция получила развитие в многочисленных трудах исследователя в 90-е гг. XX в. и является актуальной в начале XXI в.

На современном этапе также было реабилитировано понимание бурханизма как национально-освободительного движения, которое стало ответом на политику имперских властей, деятельность Алтайской духовной миссии и русских переселенцев. Данной позиции придерживается А.Н. Садовой [15, с. 8–11].

^{*} От английского слова «quakers», которое буквально означает «трепещущие», «трясущиеся».

Помимо этого представляется весьма ценным с научной точки зрения мнение В.К. Косьмина, который особое внимание уделил буддийским элементам в бурханизме. Исследователь склонен характеризовать это вероучение как некий «промежуточный этап», «динамический переход» от шаманизма к буддизму у алтайцев под влиянием монгольской культуры [16, с. 62–63].

Как мы видим, новому этапу в историографии ламаизма сопутствовала активизация исследований в рамках изучения бурханизма. Сегодня очень важны взаимодействие и координация усилий всего исследовательского сообщества в этих отраслях исторического знания для развития отечественной буддологии и более детального и глубокого рассмотрения вопро-

сов духовной истории Центральной Азии и Южной Сибири.

Таким образом, в новейший период происходит возврат к изучению духовных аспектов истории ламаизма, что непосредственно отразилось на тематике исследований. Вновь, как и в дореволюционное время, стали актуальными вопросы межкультурного взаимодействия и значения ламаизма для развития духовного мира народов Северо-Восточной Азии. В это время начался отказ от термина «ламаизм», а также определились новые перспективные направления, стремящиеся в новом ракурсе охарактеризовать суть и значение буддийского вероучения, а также возрос интерес к проблемам истории бурханизма, что повлекло за собой появление новых трактовок его сущности.

Библиографический список

1. Цыбиков, Г.Ц. Избранные труды : в 2 т. / Г.Ц. Цыбиков ; редкол.: А.П. Окладников, Ц.Б. Цыдендамбаев и др. – Новосибирск, 1981.
2. Владимирцов, Б.Я. Буддизм в Тибете и Монголии (Лекция на Первой буддийской выставке 1919 г.) / Б.Я. Владимирцов // Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX в. (Россия и сопредельные страны). – СПб., 1998.
3. Буддизм : словарь / Л.Л. Абаева, В.П. Андросов, Э.П. Бакаева ; под общ. ред. Н.Л. Жуковской и др. – М., 1992.
4. Жуковская, Н.Л. Буддизм в истории монголов и бурят: политический и культурный аспекты / Н.Л. Жуковская // Буддийский мир : альманах / сост. В. Бараев. – М., 1994.
5. Андросов, В.П. Словарь индо-тибетского и российского буддизма: главные имена, основные термины и доктринальные понятия : учебное пособие / В.П. Андросов. – М., 2000.
6. Жуковская, Н.Л. В погоне за юбилеем, или сколько лет буддизму в Бурятии / Н.Л. Жуковская // Азия и Африка сегодня. – 1992. – №3.
7. Монгуш, М.В. Буддизм в Туве: проблемы возрождения / М.В. Монгуш // Сибирь в панораме тысячелетий : материалы международного симпозиума / отв. ред. И.Н. Гемуев. – Новосибирск, 1998. – Т. 2.
8. Дробышев, Ю.И. Тибетский вклад в этническую экологию Монголии / Ю.И. Дробышев // Восток. – 2003. – №5.
9. Барадийн, Б.Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.) / подгот. к публ., предисл. и коммент. Ц.П. Ванчиной; науч. ред. Ш. Чоймаа. – Улан-Удэ, 2002.
10. Базаров, А.А. Институт философского диспута в тибетском буддизме / А.А. Базаров. – СПб., 1998.
11. Базаров, А.А. Тибетский религиозный спор: логико-эпистемологические основания в религиозной аргументации / А.А. Базаров // Восток. – 1997. – №5.
12. Потапов, Л.П. Бурханизм / Л.П. Потапов // Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев / под ред. С.А. Токарева. – Новосибирск, 1948.
13. Сагалаев, А.М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния / А.М. Сагалаев ; отв. ред. И.Н. Гемуев. – Новосибирск, 1984.
14. Шерстова, Л.И. Алтай-кижи в конце XIX – начале XX вв. (История формирования этноконфессиональной общности) : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Л.И. Шерстова. – Л., 1985.
15. Садовой, А.Н. Некоторые аспекты анализа бурханизма / А.Н. Садовой // Проблемы истории Кузбасса : материалы научно-практической конференции. – Прокопьевск, 2002.
16. Косьмин, В.К. Влияние монгольского буддизма на формирование и развитие бурханизма на Алтае / В.К. Косьмин // Этнографическое обозрение. – 2005. – №4.